

Читая часть третью, «Моя философия», очень увлекательную и интересную, понимаешь, что Илья Артемьевич еще и незаурядный философ, опирающийся на научные факты в своих умозаключениях. Неудивительно, что он приводит в последней главе слова святителя Луки, великого врача и святого: «...дух человеческий свободен, дух дышит, где хочет... а его низшая чувственная душа подчинена законам причинности».

Редкие фотографии и необыкновенной красоты восточный орнамент на обложке делают книгу еще более привлекательной.

Есть положения, которые считаются бесспорными: главная задача биографии и автобиографии учено-

го – освещение его творческого пути, становления и эволюции мировоззрения. Но особенно интересна та автобиография, в которой отражено индивидуальное своеобразие незаурядной личности ученого, тогда она становится увлекательной и не нуждается в поверхностной беллетризации. В этой монографии показаны «пространство возникновения» отечественной генетики и течение времени, меняющее самого человека и его отношение не только к науке, но и к жизни.

«Мою генетику» Захарова-Гезехуса будут читать с огромным интересом и генетики, и историки биологии, и студенты, только начинающие свой путь в науке.

Е. Б. Музрукова

Виноградский С. Н. Летопись нашей жизни / Комм. и сост. Н. Н. Колотилова, Г. А. Савина М.: МАКС Пресс, 2013. 808 с.

В настоящей краткой рецензии трудно продемонстрировать всю важность и актуальность рецензируемого издания для современной биологии (и ее истории), науки в целом, всей нашей культуры. Автор колоссального труда – великий отечественный ученый, именем которого назван в 2003 г. Институт микробиологии РАН.

Неоценим вклад Сергея Николаевича Виноградского, считавшегося еще при жизни «классиком науки», в мировую сокровищницу микробиологии. Виноградский – первооткрыватель хемосинтеза как альтернативного фотосинтезу способа получения энергии и синтеза органических веществ живыми клетками; именно он сформулировал целостную концепцию о роли микроорганизмов в биосфере и в круговороте основных биогенных элементов (С, N, S, Fe) и создал микробную экологию

(*microbiologie écologique* в его работах на французском) как новое научное направление. В число его заслуг перед микробиологией и в то же время перед всей экологией входит и разработка «прямых методов наблюдения микроорганизмов в природе, в том числе и некультивируемых», как справедливо отмечает в «Напутствии к читателю» в рецензируемой книге академик Г. А. Заварзин (с. 6). Этот метод оказался весьма актуальным в самые последние годы, когда изучение некультивируемых форм микроорганизмов стало своего рода модой в микробиологии, оснащенной новейшими методами анализа ДНК. Немало пророческих мыслей и в труде «Микробиология почвы», завершающем долгую жизнь и долгую научную деятельность Виноградского, изданном на французском (1949), а потом на русском языке (1952).

Долгая, почти вековая (с 1856 по 1953 г.) жизнь Виноградского предстает перед читателем «Летописи нашей жизни» в неожиданном ракурсе — он выступает как талантливый литератор-мемуарист, создавший «правдивый, искренний рассказ [...] о выборе профессии, о становлении его как ученого, о научных стремлениях, исканиях, открытиях, взлетах и падениях, о судьбе в годы революции и эмиграции, о личной жизни, о раздумьях и итогах в конце пути» (слова академика А. И. Григорьева в «Предисловии» к изданию, с. 3). Несмотря на самокритичные слова Виноградского во введении к своей «Летописи...» о том, что «в оригинальных записях Дневника очень много повторений, пустых и надоедливых», его литературный труд говорит не только об академическом и философском складе ума, но и о несомненном литературном даровании, столь характерном для многих российских интеллигентов той эпохи. Как отмечено во вводном разделе «От издателя», «есть у “Летописи” и стиль, и вкус, и мягкая самоирония; есть у нее обезоруживающая доверительность, даже исповедальность, столь высоко ценимые в мемуаристике» (с. 14).

Не только для профессиональных историков науки, но и для широкой научной аудитории важно то, что «Летопись», доставляя несравнимое удовольствие как повесть о целой эпохе в жизни России, да и всей Европы, в то же время высвечивает центральную фигуру самого мемуариста. Сергей Николаевич предстает перед нами как выдающийся представитель российской интеллигенции конца XIX — начала XX в., который наделен отнюдь не только научной эрудицией и, как уже отмечено, философским мышлением. Несомнен-

но, что сильное воздействие на него с самого его рождения оказывала православная религия, заложившая в него нравственные устои и семейные ценности. Знаменательно, что в той части Киева, где прошло его детство и отрочество, было «обилие церквей, расположенных вокруг дома, частью в непосредственном или близком соседстве, частью на небольшом расстоянии» (с. 24).

В то же время Виноградский — человек высокой европейской культуры, в совершенстве владевший французским, немецким и английским языками; его мемуары пересыпаны вставками на этих языках. Характерен пассаж, где Виноградский с высоты своего языкового и культурного уровня язвительно замечает, что И. И. Мечников, патронировавший Виноградского в Институте Пастера в Париже, «мало офранцузился и держал себя как-то бесцеремонно, на русский лад» (с. 148)¹.

По-европейски образованный блестящий ученый, Виноградский в то же время не скрывает своего глубинного патриотизма. Это ярко проявилось, например, в момент выбора места работы между Цюрихом, Парижем и Петербургом в 1891 г. Был избран Петербург, Институт экспериментальной медицины. Виноградский дал ответ ученому П. Э. Дюкло из Института Пастера: «...я опасаясь, как бы молодое русское учреждение не стало влачить жалкое существование по недостатку научных работников. С этим соединялась еще и *тяга на родину, которая не потухла, желание жить среди русских, де-*

¹ Там же Виноградский упрекает Мечникова в том, что тот читал неподготовленную лекцию в надежде, что «французской речи и апломба хватит для импровизации».

лать науку на русском (курсив мой. — О. А.), да родственные связи, любовь к брату, имущественные интересы, дорогой Городок и русская деревня» (с. 149).

В целом богатая событиями, путешествиями и личными драмами и трагедиями жизнь и многоэтапное научное творчество Сергея Николаевича делают его мемуары похожими на «жития святых», которые мужественно выполняли свою предназначенную Богом миссию, вопреки трудностям и страданиям. К «Летописи...» можно было бы дать подзаголовок «Хождение по мукам», и он подошел бы к этой книге по крайней мере не в меньшей степени, чем к известной трилогии А. Н. Толстого. После невзгод периода революции и гражданской войны и тягот эмиграции возврат в уже знакомый Институт Пастера под Парижем, в *ersatz*-Городок (как именует его сам мемуарист) воспринимается наподобие последних страниц «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова («Прощение и вечный приют») ².

Учитывая рамки настоящей краткой рецензии, мы ограничиваемся лишь абрисом содержания данной

поистине эпохальной книги нашего великого соотечественника. Настал момент сказать слова глубокой благодарности составителям и комментаторам «Летописи нашей жизни», в частности, Н. Н. Колотиловой и Г. А. Савиной. Сколько в издании уникальных фото, подстраничных и следующих за главами разъясняющих комментариев, переводов для каждой иноязычной вставки! За каждым фото и каждым комментарием стоит долгий кропотливый труд издателей-комментаторов. Заслуживают благодарности академики Г. А. Заварзин и А. И. Григорьев за их блестящие вводные тексты к данному изданию. Необходимо особо отметить, что кроме самого текста «Летописи...» книга содержит также публицистические статьи С. Н. Виноградского на русском языке и его неизданные и малоизвестные научные выступления, впервые переведенные на русский язык.

У автора настоящей рецензии нет сомнения, что «Летопись нашей жизни» представляет существенный интерес для историков науки, биологов разных специальностей, науковедов, философов, литературоведов и всех тех читателей, которые ценят вклад российских ученых в мировую сокровищницу науки и которых интересует русская словесность и в целом роль нашей страны в современном уменьшающемся мире.

А. В. Олескин

² Знаменательно, что один из дневников Виноградского был передан Архиву РАН женой М. А. Булгакова Еленой Сергеевной (отмечено на с. 13 издателями рецензируемого труда).